

Русская литература

№ 1

Историко-литературный журнал

2005

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Н. Н. Скатов. Всеведение пророка: к 190-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова	3
Е. В. Кардаш. Критерий подлинности исторического знания в романтической культуре (метафора—сюжет—реальность)	15
И. А. Лобакова. К проблеме фальсификации исторических источников (принципы создания легендарного сказания в творчестве А. Я. Артынова)	28
В. А. Кошелев. Мифология «сада» в последней комедии Чехова	40
Т. М. Двигяткина. Модернисты против академика: «Избранные стихи» И. А. Бунина в критике русской диаспоры	53

ТЕКСТОЛОГИЯ И АТРИБУЦИЯ

А. М. Березкин. Когнитивные и прикладные аспекты современной текстологии	67
---	----

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

Е. В. Казарцев, М. А. Красноперова. Ода Я. Штелина 1741 года в переводе М. В. Ломоносова (проблемы ритмики)	81
А. А. Костин. «Галантный» Сократ. К проблеме бытования образа исторической личности в русской литературе конца XVIII века	92
Письма А. И. Кошелева И. В. Киреевскому (1822—1828) (публикация Е. В. Лудиловой)	96
Т. Б. Трофимова. Лермонтовский «подтекст» в цикле И. С. Тургенева «Стихотворения в прозе»	124

© С. Н. Доценко (Эстония)

К ПРОБЛЕМЕ ДЕШИФРОВКИ ОДНОГО АНЕКДОТА ИЗ МЕМУАРНОЙ КНИГИ А. РЕМИЗОВА «КУКХА»

Писатель А. Ремизов имел репутацию шутника, выдумщика, мистификатора. Причем шутил и мистифицировал он как в жизни (в литературном быту),¹ так и в своем мемуарном творчестве.

Если житейские мистификации довольно быстро раскрывались (чему немало способствовал сам Ремизов), то его мистификации в текстах мемуарного характера, увековеченные на бумаге и освященные авторитетом самого жанра воспоминаний (мемуары имеют, так сказать, презумпцию «правдивости», «истинности»), зачастую остаются нераскрытыми. Отчасти это объясняется и вполне объективными причинами: трудно проверить достоверность того или иного факта в силу отсутствия свидетельств возможных участников или очевидцев случившегося.

В ситуации с Ремизовым историк литературы должен быть особенно осторожен, ибо к жанру мемуаров писатель подходил с несколько необычной позиции. Для него мемуары были не просто свидетельством об увиденном и услышанном, а особым литературным жанром, в котором вполне допускался нарочитый вымысел (по выражению самого Ремизова — «легенда»²). Чтобы раскрыть сущность человека, Ремизов и создавал подчас «легенду» о нем. Этот подход к объяснению сущности человека он сформулировал в разговоре с Н. Кодрянской: «А моя сущность? Только создавая легенду, сказку, можно объяснить существо человека».³ Такой легендой для Ремизова и будет, в частности, анекдот. Анекдот становится и важнейшим элементом мемуаров Ремизова, поскольку в анекдоте (как о себе самом, так и о своих современниках) писателю удается соединить правду и вымысел, серьезное и шутейное, «историю» и «легенду». В итоге Ремизов создавал совершенно особый тип мемуаров.⁴ Анализ же анекдотов Ремизова позволяет увидеть и понять его от-

¹ См.: *Ремизов А.* Мерлог / Публ. А. д'Амелия // *Минувшее: Исторический альманах.* Париж, 1987. Вып. 3. С. 215—222; *Флейшман Л.* В кругу ремизовских мистификаций: «Конклав» Саркофажского // *Studies in Modern Russian and Polish Culture and Bibliography: Essays in Honor of Wojciech Zalewski.* Ed. L. Fleishmann. Stanford, 1999. С. 145—176; *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001; *Кукуй И.* *Идея против Вещи: О культурном фоне одной мистификации А. Ремизова* // *Bildschirmtexte zur 5. tagung des jungen forums slavistische literaturwissenschaft in Muenster, September 2002* (<http://www.jfsl.de/publikationen/2004/Kukuj.htm>).

² 29 октября 1956 года он записывает в дневнике: «Легендарное крепче исторического, мифы живут века, а история в учебниках» (цит. по: *Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. Париж, 1959. С. 296).

³ Там же. С. 89.

⁴ См., например, замечание А. Данилевского о мемуарной книге Ремизова «Кукха»: «Игра — прежде всего на сочетании реального и „сочиненного“ — используется писателем для размывания четких граней между действительностью и художественным вымыслом, для вытеснения им действительности и, в конечном итоге, полной подмены реальности — „литературой“» (*Данилевский А.* Из комментариев к «Кукхе» А. М. Ремизова // *Studia Russica Hel-singiensia et Tartuensia.* III. Проблемы русской литературы и культуры. Helsinki, 1992. С. 97).

ношение ко многим фактам и явлениям, лицам и событиям, идеям и теориям. И, в конечном счете, понять природу его мемуарной прозы.

С другой стороны, есть и другая проблема мемуарной прозы Ремизова. Многие анекдоты, которые приводит (или придумывает?) Ремизов, кажутся совершенно бессмысленными, абсурдными, нелепыми. Логика здесь может быть проста и объясняться хорошо известным пристрастием писателя ко всякого рода «безобразиям», которые априори — зачастую лишены смысла. Но не все так просто. Есть основания подозревать, что за кажущейся бессмысленностью этих «безобразий» скрывается вполне определенный смысл, скрытый подтекст. В качестве примера такого анекдота (безобразного и бессмысленного, на первый взгляд) рассмотрим один анекдот из мемуарной книги Ремизова «Кукха. Розановы письма»: «Именины Варвары Дмитриевны Розановой.

— Сыт, пьян и нос в табаке! — вот как полагается.

Вымазал я нос табаком Вяч. Иванову. А после ужина перевернул с помощью именинницы качалку с Н. А. Бердяевым. Бердяев ничего, только кашлянул, а Андрей Белый от неожиданности финик проглотил».⁵

В книге «Кукха» этот анекдот помещен среди записей, которые якобы составляют дневник Ремизова (гл. «На блокноте»), и датирован 4 декабря 1905 года (день памяти св. Варвары). Достоверность существования этого ремизовского дневника, равно как и достоверность некоторых фактов, описанных в нем, пока невозможно ни доказать, ни опровергнуть. Но вопрос о достоверности случая, описанного в анекдоте, отчасти можно разрешить.

Дело в том, что у этого анекдота Ремизова есть другой вариант, но зафиксированный в другом мемуарном источнике. Это — эпизод из воспоминаний Андрея Белого, в котором опять появляется Вяч. Иванов как объект ремизовского розыгрыша: «А вот он, — сутуленький, маленький, — в том же свисающем с плеча пледике (ему холодно), выбравши жертвой великолепного Вячеслава Иванова, — таскается за ивановской фалдой; куда тот — туда этот; пальцем показывает на фалду: „У Вячеслава Иваныча — нос в табаке... У Вячеслава Иваныча — нос в табаке...” Это тонкий намек на какое-то „толстое” обстоятельство: экивоки, смешочки писателя, взявшего на себя в этом обществе роль Эзопа, — всегда не случайны».⁶

Более того — в мемуарах А. Белого мы встречаем и другой вариант этого анекдота, в том числе и описание того, как на квартире В. Розанова Ремизов действительно перевернул крысло-качалку, в котором сидел Н. Бердяев: «Не забуду воскресников этих; позднее на них пригласулся — впервые я к писателю Ремизову; он сидел, такой маленький, всей головою огромной уйдя себе под спину; дико очками блистал; и огромнейшим лбом в поперечных морщинах подпрыгивал из-под взъерошенных, вставших волос; меня вовсе не зная, уставился, как бык на красное; вдруг, закрывивши умильные губки, он мне подмигнул очень странно; мне сделалось жутко; и он испугался; сапнувши, вскочил, оказавшись у всех под микиткой; пошел приставать к Вячеславу Иванову:

— „У Вячеслава Иваныча — нос в табаке!”

И весь вечер, сутуленький, маленький, странно таскался за В. И. Ивановым; вдруг, подскокивши к качалке, в которой массивный Бердяев сидел, он стремительно, дьявольски-цапким движением перепрокинул качалку; все, ахнув, вскочили; Бердяев, накрытый качалкой, предстал нам в ужаснейшем виде: там, где сапоги, —

⁵ Ремизов А. Кукха. Розановы письма // Ремизов А. Собр. соч.: В 10 т. М., 2002. Т. 7: Ахру. С. 56.

⁶ Белый А. Между двух революций. М., 1990. С. 64—65. Об эротическом подтексте мотива «нос» у Ремизова см. также: Безродный М. Генезис лейтмотивов у А. М. Ремизова // Русская филология. Тарту, 1977. Вып. V. С. 98—109. (Сб. тр. СНО филол. фак-та); Горный Е. Заметки о поэтике А. М. Ремизова: «Часы» // В честь 70-летия проф. Ю. М. Лотмана: Сб. ст. Тарту, 1992. С. 192—209.

голова; там же, где голова, лакированных два сапога; все на выручку бросились; только не Розанов, сделавший ижицу, невозмутимо поплескивал с кем-то».⁷

Таким образом, анекдот из «Кукхи» оказывается отчасти достоверным. Правда, пока не представляется возможным проверить истинность рассказа о том, как А. Белый якобы проглотил финик.

Но главное заключается в другом: какой смысл имеет весь этот анекдот? И имеет ли анекдот вообще какой-либо смысл? Для чего Ремизов включил его в свою мемуарную книгу? В этом необходимо разобраться. Прежде всего нужно выяснить, о каком «толстом обстоятельстве» говорит А. Белый. Думается, что разгадку его надо искать в словах: «нос в табаке». Как известно, Вяч. Иванов курил, но табак не нюхал. При чем же тогда «нос в табаке»? Или здесь опять всего лишь ссылка на известную поговорку («Сыт, пьян и нос табаке»)? Представляется, что дело обстоит иначе. А. М. Грачева, комментируя этот фрагмент воспоминаний Белого (как и анекдот из «Кукхи»), резонно предположила, что существует какая-то связь между этими розыгрышами Ремизова и его же эротической повестью «Что есть табак» (1906).⁸ Но какое отношение имеет Вяч. Иванов к этой повести Ремизова о «табаке»? Кто и почему стал главным героем ремизовского анекдота в «Кукхе»? На все эти вопросы мы и попытаемся ответить в нашей заметке.

Действительно, в ремизовском идиолекте слово «табак» имело и иное значение, отличное от общеизвестного. Вот письмо В. Розанова Ремизову (датируется 1908 годом, приведено в книге Ремизова «Кукха»): «Ждем Серафиму Павловну и Алексея Михайловича без слонов, без зверей и без мифов, без „табаку” и вина 4 декабря в тихую обитель Б. Казачий д. 4 кв. 12 — вечером — Смиранный иеромонах Василий».⁹

Тут же сам Ремизов поясняет: «„Табак” — это и моя повесть „Что есть табак”. В. В. Розанов любил ее. „Слоны” — это „обладающие сверх божеской меры”».¹⁰

Иными словами, в своем письме В. Розанов предупреждал о том, чтобы Ремизов на сей раз обошелся без «самых непоказанных разговоров»,¹¹ т. е. разговоров на эротические темы. Воплощением эротического для В. Розанова была эротическая же повесть Ремизова «Что есть табак». Прийти к нему без «табаку» — значит, чтобы разговоры не касались эротического. А слово «табак» в данном случае (на языке Розанова и Ремизова) было эвфемизмом эротических предметов разговора.

В 1945—1946 годах А. Ремизов написал мемуарный очерк «О происхождении моей книги о табаке»,¹² который вошел (с небольшими изменениями) в его же мемуарную книгу «Петербургский буерак».¹³ В этом очерке рассказывается главным образом об эпизоде, который и вдохновил Ремизова на написание апокрифа «Что есть табак», — эпизоде осмотра в 1906 году на квартире художника К. Сомова «статуэтки» (так эвфемистически назван Ремизовым восковой слепок с фаллоса Г. А. Потемкина): «Пенис Потемкина был сделан по воле Екатерины „для назидания».

⁷ Белый А. Начало века. М., 1990. С. 479—480.

⁸ См.: Переписка В. И. Иванова и А. М. Ремизова / Вступ. статья, примеч. и подгот. писем А. Ремизова — А. Грачевой; подгот. писем Вяч. Иванова — О. Кузнецовой // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М., 1996. С. 114—115; см. также: Ремизов А. Собр. соч. Т. 7: Ахру. С. 536. Заметим, что еще ранее на связь этого эпизода из воспоминаний А. Белого и эротической повести Ремизова «Что есть табак» указал А. В. Лавров, хотя и без какого-либо развернутого объяснения: «Видимо, подразумевается намек на сюжет, реализованный Ремизовым в фривольной сказке „Что есть табак”» (см.: Белый А. Между двух революций. С. 465 (коммент.)).

⁹ Ремизов А. Кукха. Розановы письма. С. 57.

¹⁰ Там же. С. 35.

¹¹ Там же. С. 34.

¹² Ремизов А. О происхождении моей книги о табаке. Что есть табак. Paris, 1983.

¹³ Впервые она была опубликована в Париже в 1981 году под названием «Встречи: Петербургский буерак». Вариант более аутентичный авторскому замыслу см.: Ремизов А. Петербургский буерак // Собр. соч.: В 10 т. Т. 10.

ния обмельчавшему потомству” в точном размере и со всеми отличительными подробностями, с родимым пятном у „ствола расширения”, — восковой розовый слепок и хранился в Эрмитаже. Для публичного обозрения недоступен». ¹⁴

А затем история получила и литературное продолжение: «В то время (т. е. в 1906 году. — С. Д.) я изучал апокрифы и у меня было целое собрание сказаний о происхождении табака. Особенно одно поразило меня — „слово святогорца” — табак выводился от такого вот потемкинского „орудия”. А что если написать мне такую отреченную повесть, а Сомову иллюстрировать по наглядной натуре. „Вот было б дело, — сказал Вас. Вас., — напиши!” К. А. Сомов согласен, он, как образец, возьмет потемкинское». ¹⁵

Повесть Ремизова «Что есть табак» была напечатана в 1908 году с рисунками К. Сомова, и в дальнейшем эротическая (фаллическая) символика табака будет обыгрываться Ремизовым неоднократно.

Но вернемся к анекдоту о Вяч. Иванове, у которого «нос в табаке». Судя по всему, главным героем ремизовского анекдота стал именно Вяч. Иванов. Но почему? Скорее всего потому, что тема Эроса интересовала не только Розанова или Ремизова. Свою концепцию мистического Эроса создал и Вяч. Иванов — она нашла отражение во многих его статьях и поэтических текстах. ¹⁶ Каково было отношение Ремизова к концепции Вяч. Иванова? На этот счет у нас нет точных сведений. Но можно не без оснований считать, что Ремизов довольно скептически (более того — иронически) относился ко всем умозрительным концепциям, которые создавались теоретиками-символистами. Представляется, что и анекдот об Иванове, у которого «нос в табаке», является своеобразной полемической репликой в адрес символистских концепций Эроса, а особенно — в адрес их создателей. ¹⁷ Тогда абсурдность, бессмысленность анекдота — только кажущаяся. И фразу Ремизова «Вымазал я нос табаком Вяч. Иванову» (как и другую: «У Вячеслава Иваныча — нос в табаке...») можно тогда «перевести» примерно таким образом: «Я (Ремизов) утер нос теоретику мистического Эроса (т. е. Вяч. Иванову) моей немистической трактовкой Эроса (и всего эротического) в повести „Что есть табак”».

А нелепая ситуация с Андреем Белым, проглотившим финик, — возможно, скрытый ремизовский намек на эротический же подтекст стихотворения А. Белого

¹⁴ Ремизов А. О происхождении моей книги о табаке. С. 13

¹⁵ Там же. С. 40.

¹⁶ См.: *Цимборска-Лебода М.* 1) Эрос в творчестве Вячеслава Иванова: Этика и онтология любви // Культура русской диаспоры: Саморефлексия и самоидентификация. Материалы международного семинара. Tartu, 1997. С. 54—68; 2) Эрос в творчестве Вячеслава Иванова: На пути к философии любви. Томск, М., 2004. О постоянном интересе Вяч. Иванова к теме Эроса свидетельствует и Н. Бердяев: «Вспоминаю беседу об Эросе, одну из центральных тем „сред”» (*Бердяев Н.* «Ивановские среды» // Иванова Л. Воспоминания: Книга об отце / Подгот. текста и коммент. Дж. Мальмстада. М., 1992. С. 322). См. также: *Пономарева Г. М.* Концепция Эроса и «среды» Вяч. Иванова // Литературный процесс и проблемы литературной культуры. Таллинн, 1988. С. 87—90.

¹⁷ См. также полное иронии (хотя и добродушной) рассуждение Ремизова (в его мемуарной книге «Петербургский буерак») о «всесветных познаниях» Вяч. Иванова: «А Вячеслав Иванович Иванов в Риме отшельник (...) засел за „римские древности” — познания всесветные! ученик Моммзена» (*Ремизов А.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 10. С. 312). «Римские древности» — намек на магистерскую диссертацию «De societibus vestigalium» (опубликована в 1908 году), написанную Вяч. Ивановым в молодости, во время его учебы в семинаре проф. Берлинского университета Т. Моммзена, специалиста по истории Древнего Рима (см.: Автобиографическое письмо В. Иванова С. А. Венгеру // *Иванова Л.* Воспоминания: Книга об отце. С. 312—313). Ср. также такой отзыв Ремизова о Вяч. Иванове (1940-е?): «Вяч. Ив. Иванов замечательный человек: он все знает» (*Пузан А.* Petersburg Dreams // *Aleksej Remizov: Approaches to a Protean Writer.* Ed. by G. Slobin. Columbus (Ohio), 1987. P. 70). При этом надо помнить, что сам Ремизов любил иронизировать по поводу «ученых немцев», склонных к излишнему теоретизированию. Вот, например, его характеристика Андрея Белого (в письме Н. Кодрянской от 23 мая 1956 года): «Андрей Белый запутался в антропософии и трескотне Заратустры. (...) Он мечтал стать Гоголем, но его задавили ученые немцы» (*Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. С. 290).

«На горах» (1903), в котором экзотический фрукт «ананас» оказывается эвфемизмом фаллоса, и в целом — эвфемизмом всего, что связано с эротикой.¹⁸

У самого Ремизова субститутотом «ананаса» (в той же роли) становится «финик», на что очевидно указывает его же эротическая сказка «Султанский финик» (1909). В обоих случаях эротика, облеченная в философско-мистические одеяния (как у Вяч. Иванова и А. Белого), разоблачается Ремизовым на житейско-анекдотическом уровне. Символистская концепция мистического Эроса (в трактовке того же Вяч. Иванова или А. Белого) Ремизову была совершенно чужда. И приведенный анекдот можно рассматривать как пример ремизовской дискредитации ивановской концепции Эроса, иронически-пародийного его осмысления.

Из того ряда — фрагмент воспоминаний Ремизова (в мемуарной книге «Петербургский буерак») о чтении им своей повести «Неуемный бубен» в редакции журнала «Аполлон» (конец 1909 года): «По окончании заметно было оживление, но куда мне разобрать, и только председатель улыбкой показал, что все понимает: И. Ф. Анненский говорил по-латыни, Ф. Фр. Зелинский на языке Софокла, а Вяч. И. Иванов, думаю, на ассирийском Гильгамеша.

Необыкновенное впечатление на Андрея Белого. На него накатило — черта в воздухе сложную геометрическую конструкцию, образ Ивана Семеновича Стратилатова, (...) он вдруг остановился — необыкновенное блаженство разлилось по его лицу: преображенный Стратилатов реял в синих лучах его единственных глаз.

— Да ведь это археологический фалл. — Кротко, но беспрекословно голос Блока. Блок выразился по-гречески.

Андрей Белый, ровно б пойманный, заметался, он готов был выскочить из себя — и только улыбка Блока — „Иван Семенович Стратилатов воплощение археологического фалла“, а он не заметил! и это правда! — привело его в сознание. В Берлине в 1922-м лекция Андрея Белого „О любви“. Антропософская аудитория, исключительно дамы. Слушают, затаив дыхание. Не в воздухе, а на доске мелом воздвигается сложная геометрическая конструкция. Закрутив центральную спираль, Андрей Белый обернулся к аудитории: синь плывет из его глаз, лицо сияет, образ любви за его спиной.

И вдруг, подобно гласу из облака, неожиданно голос из публики:

— А где же фалл? — Кусиков выразился по-русски.

И тут произошло однажды случившееся в Петербурге на вечере в „Аполлоне“: закрученная на доске спираль, выщелкнувшись, ударила в спину и принялась опруживать шею, руки, и остались одни перепуганные глаза — в „Аполлоне“ — в Блока, в Берлине — в Кусикова. А в ушах неуемным бубном по-гречески и по-русски».¹⁹

В чем пуант этого анекдота? В том, что А. Белый, один из теоретиков символизма, уделивший немало внимания философии Эроса, не смог увидеть совершенно очевидный эротический (т. е. фаллический) смысл образа Стратилатова. А позднее, в 1922 году в Берлине, его философия Эроса («сложная геометрическая конструк-

¹⁸ См. следующий вывод исследователя: «Семиотика ананаса открывает перед нами скрытый эстетически сублимированный эротически-оргийный план стихотворения Андрея Белого. Его носителем оказывается вполне традиционный литературный персонаж — неистово пляшущий на утесе горбун в красном. Взмывающий к небу и источающий „золотые фонтаны огня и хрустала заалевшего росы“ ананас отбрасывает на всю фантастически реальную картину неуловимо сквозящую и двусмысленно мерцающую фаллическую тень. Предложенная здесь интерпретация стихотворения „На горах“ совсем не отменяет его прочтения в духе праздничной теургии космического действия. Планы теургический и эротический не только не исключают друг друга, они взаимосвязаны» (Абашев В. Ананас на русской почве: О стихотворении Андрея Белого «На горах» // Славянские чтения. Даугавпилс, Резекне, 2002. Вып. II. С. 93). А касаясь семантики ананаса в русской культуре в целом, В. Абашев констатирует: «Ананас — эмблема эротизма, нередко выступающая как прямая фаллическая метафора» (Там же. С. 92).

¹⁹ Ремизов А. Петербургский буерак. С. 194—195.

ция») была интерпретирована поэтом А. Б. Кусиковым довольно незамысловато — при помощи нецензурного русского слова, обозначающего «фалл».²⁰

Необходимо подчеркнуть, что Эрос в понимании Иванова и Белого — это Эрос исключительно философский, религиозно-мистический, т. е. прежде всего *абстрактный, метафизический*. Эрос же в понимании Ремизова — это Эрос, воспринятый и понятый через призму житейского (народного) сознания, т. е. предельно *конкретный* (и потому отчасти грубый, может быть даже пошлый, с точки зрения «теоретиков» символизма).²¹ У Ремизова эротическое предстает нередко в том облике, которое мы видим в похабных русских сказках (не случайно сказка Ремизова «Чудесный урожай» (1912) является просто переделкой русской народной сказки «Посев х...в» из сборника А. Н. Афанасьева «Заветные сказки»);²²

Анекдот Ремизова в его мемуарной книге «Кукха» — это своеобразная форма полемики с современными ему теориями Эроса, которые были созданы символистами-теоретиками. Если Вяч. Иванову Ремизов «утер нос» своим... «Табакон», то А. Белого заставил проглотить... «финик», который оказался из того же эротического «семейства», что и скандально знаменитый «ананас» из стихотворения Белого «На горах».

А в чем смысл появления в анекдоте о «табаке» эпизода с Н. Бердяевым: «А после ужина перевернул с помощью именинницы качалку с Н. А. Бердяевым»? Рискнем предположить, что Ремизов здесь обыгрывает один курьезный и по-своему характерный для символистского круга случай: во время одного диспута по проблемам пола, который проходил на «башне» Вяч. Иванова, Н. Бердяев был председателем и во время диспута лежал... на полу. Об этом сообщает С. Городецкий в письме А. Блоку от 3 июня 1906 года: «Среды еще бывают, неофициально. Одна была бурная. *Председательствовал Бердяев, лежа на полу, потому что говорили о поле* (курсив мой. — С. Д.). Все вопросы нерешенные, у Иванова четыре пола, у Бердяева преодоление смерти не родом (семьей), а замкнутой личностью. Ремизов был за детей. Выразился по-ремизовски. У меня два пола и Третий (бог, сущее, экстаз), создаваемый их слиянием. Никто ничего не узнал, а говорили долго. Вам все это должно показаться далеким, городским, комнатным».²³

²⁰ Реакция А. Белого, от «удивления» проглотившего финик при виде того, как Ремизов перевернул кресло с Н. Бердяевым, может быть понята (в свете поэтики анекдота) как следствие (и подчеркивание) того обстоятельства, что А. Белый, будучи москвичом, появлялся в Петербурге эпизодически и не был в курсе всех скрытых нюансов жизни петербургской символистской литературно-художественной среды. Иначе говоря, Белый играет в анекдоте роль наивного и простодушного гостя, с удивлением и непониманием взирающего на более чем странное поведение Ремизова.

²¹ Ср., например, у Ремизова в «Кукхе» упоминание одного неосуществленного замысла — совместно с В. Розановым написать книгу «О любви»: «Вы помните эту нашу затею: собрать и иллюстрировать всю мудрую науку, какую у нас на Руси в старые времена няньки да мамки хорошо знали, да невест перед венцом учили, ну и женихов тоже. Как-то так с годами и забылось, и сами „старейшины“ — ни Сомов, ни Бакст, ни Нувель не вспоминали уж за эти годы. А одному куда мне было! А главное, надо сурьезно. Я понимаю, даже благоговейно. Ей-Богу ж, Василий Васильевич, я не так уж озоровал, как вы думали и часто сердились, и чувствую, что такая книга могла бы быть существеннейшей и необходимой в каждой новоборачной семье» (Ремизов А. Собр. соч. Т. 7: Ахру. С. 69—70). Очевидно, что ремизовско-розановская книга «О любви» была ориентирована скорее на «физику любви» (т. е. народный, практический опыт эротики), а не на «метафизику любви». Отметим также, что упомянутые художники К. Сомов и Л. Бакст имели самое непосредственное отношение к изданию эротических книг Ремизова: К. Сомов иллюстрировал первое издание повести «Что есть табак» (1908), а Л. Бакст — первое издание эротической сказки Ремизова «Царь Додон» (1921).

²² Разумеется, ремизовские сказки (по понятным причинам) оказались смягчены в языковом отношении: лексика их не содержит нецензурных слов и выражений, как это было в собственно фольклорных версиях «заветных сказок». См. также две статьи М. Козьменко: «Заветные сказки Алексея Ремизова» (Литературное обозрение. 1991. № 11. С. 75—76) и «Удоноши и фаллофоры Алексея Ремизова» (Эрос. Россия. Серебряный век. М., 1992. С. 175—187).

²³ Блок А. А. Переписка с А. А. и С. М. Городецкими / Вступ. статья и публ. В. П. Енишерлова, коммент. В. П. Енишерлова и Р. Д. Тименчика // Лит. наследство. 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 26. Пользуемся случаем выразить благодарность Г. М. Пономаревой за указание на этот источник.

Тогда смысл ремизовского жеста-намека очевиден: он, Ремизов, перевернул кресло-качалку, в котором сидел Бердяев, и тот опять оказался именно *на полу*. Или *лицом к полу* — так Ремизов каламбурно обыгрывает интерес Н. Бердяева к проблеме Эроса и пола, понимаемой и трактуемой Бердяевым именно в религиозно-философском («теоретическом») ключе, о чем красноречиво говорит само название 6-й главы его книги: «Метафизика пола и любви».²⁴ Хронологическое несовпадение (анекдот Ремизова датируется 1905 годом, а книга Бердяева — 1906—1907) оказывается не столь существенным: ведь идеи Бердяева по вопросам «метафизики пола и любви» возникли гораздо раньше, на что указывает Е. Обатнина: «Хронотоп ремизовского творчества, в котором мы склонны видеть сложный процесс формирования оригинальной философии Эроса, запечатлел внутренние дискуссии с разными оппонентами. Среди них нельзя не выделить Н. А. Бердяева, дружеские отношения с которым сложились у Ремизова в 1901—1902 годах в Вологде, где оба они отбывали ссылку (...). Тогда в спонтанно образовавшемся кружке молодых ссыльных (...) постоянно обсуждалась тема Эроса».²⁵

Отметим еще один характерный штрих: Ремизов присутствовал, как то следует из письма С. Городецкого, на том заседании на «башне», где шел бурный диспут «о поле». И даже сам высказался в ходе диспута. Точка зрения Ремизова, которую Городецкий определяет слишком кратко («Ремизов был за детей»), кажется не совсем ясной. Но ее можно примерно реконструировать, помня об общем ироническом отношении Ремизова к теориям Эроса, развиваемым в окружении Вяч. Иванова. Видимо, Ремизов подразумевал, что главная проблема любви и пола — это рождение детей, т. е. «здорового потомства».²⁶ И ничего более. Иными словами, мы опять видим скорей традиционный, житейский подход Ремизова к проблеме Эроса — в пику сложным и абстрактным философско-мистическим теориям Эроса у символистов.

Есть еще один персонаж ремизовского анекдота, который присутствует скорей за кулисами. Это — В. В. Розанов, на квартире которого все якобы и произошло с Ивановым, Белым и Бердяевым. Отношение Ремизова к сексуально-эротическим идеям В. В. Розанова также было скорей иронически-пародийным, т. е. подразумевающим их житейски сниженную интерпретацию.²⁷ Как не раз подчеркивал Реми-

²⁴ См.: *Бердяев Н. А.* Новое религиозное сознание и общественность / Сост. и коммент. В. В. Сапова. М. 1999. С. 213—249. Доклад «О поле и любви» (в основу которого легла глава «Метафизика пола и любви») Н. Бердяев намеревался прочитать в 1907 году на одной из сред Вяч. Иванова (см.: Из писем к В. И. Иванову и Л. Д. Зиновьевой-Аннибал Н. А. и Л. Ю. Бердяевых / Вступ. статья, подготовка писем и примеч. А. Б. Шишкина // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М., 1996. С. 131—132).

²⁵ *Обатнина Е.* «Эротический символизм» Алексея Ремизова // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. С. 220. В качестве иллюстрации к обсуждавшимся Ремизовым и Бердяевым темам исследовательница приводит текст шуточного «некролога», написанного Ремизовым 1 апреля 1902 года (по случаю отъезда Бердяева из Вологды): «Как сейчас помню наши долгие беседы о „бездне верха“ и „бездне низа“. / Суппонировать-сублимировать-предципировать-супранатурализм-монизм-иллюзионизм-солипцизм — и вдруг тот параллелизм, где „бездна низа“ / обнажалась и сияла своим телом и смеялась и манила (...) Мир праху твоему! / Ну, а насчет „бездны низа“ ничего не могу сказать» (Там же). Подчеркнутое перечисление (нагромождение) Ремизовым философской терминологии — тоже свидетельство его иронического отношения к бердяевскому философствованию на тему Эроса.

²⁶ Ср. реплику Ремизова в «Кукхе»: «В. В. размечтался. Ему уже мерещилось: у нас, где-нибудь на Фонтанке, такой институт, где будут собраны „слоны“ со всей России, со всего мира для разведения крепкого и сильного потомства» (*Ремизов А.* Кукха. Розановы письма. С. 62).

²⁷ См., например, такой случай, описанный З. Шаховской: «Как охотно, но и как ехидно, и зачастую со скатологическими подробностями, А. М. говорил о своих знаменитых современниках, и всегда с усмешечкой: „Вот идет Василий Васильевич (Розанов) в ватер-клозет, а мы за ним гуськом, а он нам о чем-нибудь половом говорит, дверь не закроешь, заслушаться можно! Мы слушаем, а он там бумажкой шелестит, мнет ее“» (*Шаховская З. А.* В поисках Набокова. Отражения. М., 1991. С. 128—129). В данном случае перед нами — типично ремизовская мистификация (и одновременно провокация), рассчитанная на малоосведомленного человека. Ср.

зов, для Розанова было характерно *благоговейное* отношение к фаллосу. В своей книге о Розанове «Кукха» А. Ремизов описывает, например, возмущение Розанова, когда он, Ремизов, неправильно (т. е. без должного почтения, иначе говоря — «охульно») произнес само русское имя «фаллоса»: «Давай х. (хоботы) рисовать.

— Ничего не выйдет, Василий Васильевич. Не умею.

— Ну, вот еще не умею! А ты попробуй.

(...) Взяли мы по листу бумаги, карандаш — и за рисованье. У меня как будто что-то выходить стало похожее.

— Дай посмотреть! — нетерпеливо сказал В. В. У самого у него ничего не вышло — я заглянул — крючок какой-то да шарики.

— Так х. (хоботишко)! — сказал я, — это не настоящий.

И вдруг — ничего не понимаю — В. В. покраснел —

— Как... как ты смеешь так говорить! Ну, разве это не свинство сиволапое? — и передразнил: х. (хоботишко)! Да разве можно произносить такое имя?

— А как же? — В. В. поднялся и вдохновенно и благоговейно, точно возглас какой, произнес имя первое — причинное и корневое:

— Х. (хобот).

— Повтори.

Я повторил — и пропал.

— Ведь это только русские люди! — горячился В. В., — наше исконное свинство. Все огадить, охаять, оплевать —

И я уже молчком продолжал рисовать. Но не из природы анатомической, а из чувства воображения. Успокоился же В. В. на рисунке:

верно, что-нибудь египетское у меня

вышло — невообразимое.

— Чудесно! — сказал В. В., — это настоящее! И простив мне мое русское произношение — мое невольное охуление *вещей божественных* (курсив мой. — С. Д.), рисунок взял с собой на память». ²⁸

Розанов, как очевидно, становится для Ремизова олицетворением того пиетета, с которым он относился к фаллосу и которого требовал от окружающих в отношении к «вещам божественным». ²⁹

типологически сходную выдумку-мистификацию о том, как Ремизов в редакции «Вопросов жизни» якобы закрыл в туалете какого-то батюшку, и тот якобы всю ночь там просидел (Ремизов А. Кукха. Розановы письма. С. 19—20). Мистификацией приведенный З. Шаховской эпизод кажется и потому, что скатологические и эротические мотивы появляются у Ремизова тогда, когда он говорит о В. В. Розанове, — иными словами, о Розанове надо и рассказывать по-розановски. О пародировании розановских идей в прозе Ремизова см. также в следующих статьях А. Данилевского: «Mutato nomine de te fabula narratur» (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1986. Вып. 735. С. 137—149), «Герой А. М. Ремизова и его прототип» (Там же. 1987. Вып. 748. С. 150—165).

²⁸ Ремизов А. Кукха. Розановы письма. С. 100—101. Этот эпизод с рисованием «хоботов» был ранее включен Ремизовым в его роман «Плачущая канава» (1914—1918), где автор выведен в образе Баланцева, а Розанов — в образе Будылина (см.: *Обатнина Е.* «Эротический символизм» Алексея Ремизова. С. 199—234); о Розанове как прототипе Будылина см. также: Доценко С. ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ А. М. Ремизова как зеркало русской революции // *Eurogora Orientalis*. 1997. XVI. № 2. С. 305—320. Отметим также несомненный каламбур во фразе: «охуление вещей божественных» (если вспомнить, о какой *божественной вещи* идет речь) — русский глагол «хулить» Ремизов склонен был этимологизировать в эротическом ключе: «Хуль — отозвался Аросев и объяснил значение этого английского слова: „х..бот“ в России запрещен, а Пришвину никак не обойти в рассказе. Пришвин и придумал. И напечатал: „хуль“ — звучит по-английски, а по-нашему и дурак поймет» (Ремизов А. Петербургский буреак. С. 231).

²⁹ См. в той же «Кукхе» такой эпизод (помеченный 1905 годом): «На Покров был у нас Ф. К. Сологуб, Чулков и В. Е. Ермилов из Москвы, чтец Чехова. Читал. А позже пришел В. В. Розанов.

Круг друзей и знакомых Ремизова, которые задействованы в анекдоте с фиником, табаком и креслом-качалкой, оказывается вовсе не случайным и по-своему примечательным. Вяч. Иванов, А. Белый и Н. Бердяев были в глазах Ремизова мыслителями, в той или иной мере занимавшимися проблемой Эроса, причем выступали как символистские *теоретики* Эроса.

В. Розанов же отличался от вышеуказанных «теоретиков» Эроса прежде всего тем, что проявлял экстраординарный интерес к фаллосам вовсе не мистическим (абстрактным), а вполне *реальным*.³⁰

В конечном счете главным теоретиком «мистического Эроса» был для Ремизова именно Вяч. Иванов, и поэтому именно он фигурирует в анекдоте в качестве *главного объекта* ремизовского розыгрыша.³¹ А Розанов, Белый и Бердяев — персонажи скорей вспомогательные, введенные в анекдот в качестве дополнительной под-сказки. Анекдот Ремизова можно считать примером скрытого отклика на мистические теории Эроса, которые были характерны для петербургского символистского круга в 1905—1907 годах, а также примером его, А. Ремизова, своеобразной ироничной полемики с этими теориями.³²

— В минуту совокупления, — сказал В. В., — зверь становится человеком.

— А человек? Ангелом? Или уж — —?

— Человек — Богом» (Ремизов А. Кукха. Розановы письма. С. 47).

³⁰ Отметим также, что эротическая сказка Ремизова «Царь Додон» (1909) — сказка об Эросе вовсе не мистическом, в вполне *реальном*. Ремизов и этой своей сказкой пародийно обыгрывает известную формулу Вяч. Иванова *a realibus ad realiora* («от реального к реальнейшему»), о которой он писал в статье «Две стихии в современном реализме» (1908): «Пафос реалистического символизма: чрез Августиново „transcende te ipsum“, к лозунгу: *a realibus ad realiora*. Его алхимическая загадка, его теургическая попытка религиозного творчества — утвердить, познать, выявить в действительности иную, более действительную действительность. Это — пафос мистического устремления к *Eris realissimum*, эрос божественного» (Иванов Вяч. Родное и вселенское. М., 1994. С. 156). Ведь в сказке Ремизова заглавный герой (царь Додон) озабочен поисками фаллоса не столько «реального» («обычного», «нормального»), сколько «сверхреального» (по размерам) — т. е. именно «реальнейшего».

³¹ О другой мистификации Ремизова, героем которой стал Вяч. Иванов, узнаем из письма последнего от 3 ноября 1910 года: «Дорогой Алексей Михайлович, позвольте, — если мы друзья — просить Вас не запутывать мое имя в рассказываемые Вами небылицы; я не желаю быть героем Вашего мифотворчества, хотя бы и невиннейшего, хотя бы и совершенно благонамеренного. По телефону я вчера ни с кем не говорил; а мне передают, что Вы рассказывали о моих телефонных разговорах, содержание которых Вами было также выдуманно, как и самый факт употребления мною телефонной трубки» (Переписка В. И. Иванова от А. М. Ремизова. С. 96). Отметим, что Вяч. Иванов стоит особняком от В. Розанова, А. Белого и Н. Бердяева еще и потому, что он — единственный из перечисленных «теоретиков», который не стал кавалером ремизовского Обезвельволпала (см. список членов Обезвельволпала: *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах С. 336—369).

³² Ср. также вывод Е. Обатниной: «Синкретический Эрос Ремизова (...) явно расходится с тем жизнетворческим опытом, который запечатлелся в мистериальных и теургических переживаниях русских символистов и близких к ним философов» (*Обатнина Е.* «Эротический символизм» Алексея Ремизова. С. 220).